

Светлана
ЗАХАРЧЕНКО

г. Петрозаводск

БОГ ДОРОГИ

рассказ

Эта история произошла со мной несколько лет назад, когда мой возраст ещё позволял путешествовать неформальным образом, то есть с попутками.

У моей девочки Сони был тогда день рождения. Жила она в Марциальных Водах, куда я приехала на рейсовом автобусе в субботу. Мы провели с ней вдвоём замечательный вечер с прогулкой по дороге к минеральным источникам, к озеру и к церкви Петра и Павла. И вот настало воскресенье, когда нужно было возвращаться в Петрозаводск. Мы с Сонечкой вышли к автобусной остановке заблаговремен-

но, но автобуса не было. Не пришел он и через полчаса. Сонечка вспомнила, что в выходные дни автобусы ходят как-то иначе, но расписания у неё нет. А мне нужно было попадать в город, тем более что следующий день — рабочий.

И тут возле нас останавливается «Газель». Водитель, мужчина за 50, спрашивает:

— Едете?

Сонечка сразу откликнулась:

— Да, моя подруга едет. А я номера ваши запомню, так что довезите до места.

Как только я забралась в кабину и устроилась, водитель завел машину и вдруг спрашивает меня, — а машина уже едет:

— Ты веришь в любовь?

Вопрос, что называется, ребром. Да и сама манера: сразу на «ты». Первое моё желание было — выскочить из машины прямо на ходу. Не помню, была ли я тогда влюблена в кого-то. Хотя чувство это было мне знакомо не понаслышке. И девочки мои часто выбирали меня в качестве «жилетки».

— Как вас зовут? — Я решила выиграть время. Тем более, обращение по имени всегда психологически располагает к себе человека.

— Давай на «ты»? Я Иван.

Я тоже назвалась.

— Да ты не бойся. Я хочу рассказать тебе историю своей любви. — Иван смотрел на дорогу, словно видел что-то, что находится за чертой горизонта: — Мне было 42, семья была, конечно: жена и двое детей, жили мы в Питере. Дочь старшая замужем уже была, а сын школу заканчивал. А я встретил Нину. Когда я её увидел, то все остальные женщины перестали для меня существовать. Ну, я честно сказал жене, что ухожу. Всё нажитое имущество оставил ей: трёхкомнатную квартиру, дачу, машину. Даже тапочек не взял. Жена плакала, грозила, ругалась...

Я ушёл жить к Нине. Работал: у меня был свой бизнес. Через девять месяцев накопили на свою квартиру. Мы собирались венчаться и уже первый взнос внесли за коттедж. А тут мне нужно было отъехать в Москву по делам на пару дней. Ну зачем я уехал? Зачем? Вернулся я уже в другой мир, в котором нет Нины...

Иван замолчал. Потом собрался с духом и проговорил такую страшную для него фразу:

— Её убил сосед. Он подростком ещё был в неё

влюблён, потом залетел по малолетке на десять лет, а вышел из зоны аккуратно в день моего отъезда. Увидел он Нину возле подъезда, стал к ней приставать, а она даже слушать его не стала. Тогда он напился и подкараулил её. 46 ножевых ранений. Но она раньше умерла. Не мучилась. Двадцать семь лет ей было. И теперь всегда 27. Я жить не хотел. То есть что там «хотел — не хотел». Не было меня. Сначала всё пытался изменить ситуацию: если бы мы уже переехали, если бы я тогда не уехал... и не встретился бы ей этот экз. Потом запил. Чёрный стал. Друзья отговаривали, а я никого не слышал и не видел. Через полгода в церковь пошёл. Обидно было. Девять месяцев безоблачного счастья. Кому она что плохого сделала? Она ангелом была. А поп говорит: «Ну, она ангелом и стала, а ты ещё живой и должен свою жизнь жить». А как жить?

Жена бывшая говорит: «Возвращайся домой». А мой дом — это Нина. Без неё я бездомный. Жена: «Мы с тобой двадцать пять лет прожили, ничего, и это переживём». А я для всех остальных после встречи с Ниной умер словно.

Раздал я всё, что было, вот, «Газель» эту купил и поехал на край света. Знакомый узнал, что я в дорогу собрался, попросил груз один до Архангельска подбросить. Так и направление пути образовалось. Потом ещё груз попросили отвезти. Так вот и езжу несколько лет. — Иван спокойно говорил. Я сидела словно оглушённая. Забыла даже, где и зачем еду. Весь мир сузился до кабины «Газели», которая была теперь домом Ивана.

— Попутчики разные попадают. — Иван усмехнулся. — Жалеют, предлагают работу, жену советуют завести... Один мужик мне сказал: «Радуйся, что у вас с ней детей нет». А чего в этом радостного? Был бы малыш, Нинино продолжение, был бы смысл жить. А так... — Мой водитель покачал головой, — пустота одна тут, — он показал на грудь. — Болело сильно сначала, а потом как выжгло. А многие не понимают, что такое любовь. Есть крыша над головой, есть кусок хлеба — и ладно, что, мол, ещё надо-то? Или дураком называют, что к первой жене не вернулся. Были и такие, кто не верил, что бизнес я свой отдал другу. Как, мол, отдал? Не продал? Нет? Это в Питере-то, мол, бизнес подарил? Да жил бы в своё удовольствие... А как жить, если душа болит...

Ребятки одни попутчиками были как-то, до Владика мы с ними ехали от Новосибирска. Молодые, сразу видно было, что парочка влюблённых: не успеешь отвернуться, они уже целуются или обнимаются. Я так обрадовался, вот, думаю, эти меня поймут. А паренёк на одной из стоянок, когда девушка в туалет отлучилась, откровенно так заявил: «Не, я жениться не собираюсь. Вообще никогда. С бабами этими сплошная головная боль. Переспать куда ни шло, а жить, да ещё с одной и той же всё время — я пока в своём уме».

Меня тогда торкнуло сильно: ведь не знают даже, что такое любовь. А я-то думал, что она есть у всех, только разная. После этого я стал прямо спрашивать, с первых же минут: знаешь — не знаешь? Поняла, почему я так? — Иван качнул головой назад, будто показывая на ту остановку, откуда он меня забрал.

Мне было уютно рядом с Иваном. Мы ехали и разговаривали о любви. О том, что она никуда не исчезает. Даже если умирает один из возлюбленных, любовь живёт в сердце другого и согревает других.

— Я раньше этого не понимал, чувствовал, что любовь никуда не ушла, но было очень больно носить в себе неразделённой. И я езжу и рассказываю о том, что такое любовь, — Иван объяснял, а у меня болела за него душа.

Мы уже доехали до кольца, где трасса разделялась. Ему нужно было на Мурманск, а я уже добралась до своего города. Иван остановил машину, но я не выходила: наш разговор продолжался. И вдруг я увидела, что он не один.

— Иван, ты не один, — выдохнула я.

— Знаю, — он улыбнулся мне спокойно, — Нина всегда со мной. Теперь иначе, чем раньше. Но смерть нас не разлучила. Она скорее дала мне понять, как же сильно я люблю свою Нину. И я езжу и рассказываю о ней. Вот такой мой смысл в жизни: рассказать, что же такое любовь... Ну что, поехали со мной на Мурман? — пригласил он скорее в шутку.

— Я уже доехала. Спасибо!

Мы попрощались с Иваном. И он поехал дальше делиться своим чувством. И если он встретится вам, знайте, что это Бог дороги, любящий своих попутчиков и никого не обижающий...

РОЖДЕСТВО.

Дорога домой

рассказ

Конечно, рассказ о Рождественском празднике нужно начинать с Богослужения. Но мое повествование будет о том, как мы с внуком возвращались из монастыря домой.

День уже перевалил за середину. Через час-другой будет уже темно, а мы с девятилетним Глебом еще не знали, как попадем в город, до которого было 112 км, а 12 из них были по лесному тракту, где автобусов сроду не ходит. И вдруг паломница одна говорит:

— Паренек едет. Один он в машине, я уже договорилась, он и вас возьмет.

Через полчаса мы все сидели в джипе. Антон, так назвался наш спаситель, оказался молодым тридцатилетним невысокого роста темноволосым мужчиной. Но как только он повернулся и посмотрел на нас, мы уже ничего не замечали, кроме его счастливых, сияющих спокойным ровным светом глаз.

— Я сидел, — это было первое, что он нам сообщил. Мы по-женски заохали и стали спрашивать, как там ему пришлось, а главное, как удалось не сломаться там.

Антон улыбнулся и стал рассказывать про то, что в тюрьме он считался злостным нарушителем (по мнению администрации, конечно), потому что через своих адвокатов на воле помогал другим заключенным. И за это его несколько раз помещали в СУС (это аббревиатура: строгие условия содержания). Строгость заключалась в том, что там нельзя было ни передачек получать, ни писем, ни свиданий.

— Формально в СУС сажали на 9 месяцев, — говорил Антон, уверенно ведя машину, — но если ты что-нибудь нарушишь, то кидали в ШИЗО на 15 суток и отсчет начинался с нуля. Некоторые до конца срока из СУСа не выходили. Находились такие зэки, которые из подлости подстраивали так, чтобы ты опять и

опять ни за что попадал в ШИЗО. ШИЗО — это как затвор: кровать, тумбочка, пища раз в день (жидкая, разведенная водой каша), никаких книг и постоянная вентиляция, так, что в камере больше 8 градусов не бывало.

— Молитва Иисусова от мороза даже спасает, — поделилась я.

— Так я молитвами только и согревался, — подхватил Антон, — поленишься, не прочтешь, к примеру, вечернего правила, и посреди ночи от колотуна просыпаешься, зуб на зуб не попадает.

Глеб во все глаза смотрел на водителя, вспоминая что-то свое.

— Еще когда я в предвариловке был, до суда, встретился мне один человек. Теперь-то я знаю, что ничего случайного нет, — Антон вздохнул, хотел что-то сказать, но замотал головой и повторил, — нет ничего случайного. Он мне про Богато и сказал. А еще про книги, в которых я могу найти полезное для себя... Я там Евангелие читал. Не сразу, конечно, и не все: книгу Сираха, сына Сираха читал и еще притчи Соломона. Но больше всего мне понравилась книга Василия Кинешемского «Беседы на Евангелие от Марка». Такая хорошая книга. У меня как глаза открылись. Знаете, когда вокруг нет никого, кому можно было бы довериться, когда любой может предать, невольно приходишь к вере. Надо всех преступников в затвор сажать, чтобы они Бога узнали. Я ведь именно аккурат на Рождество голос услышал. Он со мною разговаривал так, не передать. Я сначала подумал, что схожу с ума. А я тогда в ШИЗО сидел. Но после этого разговора у меня на душе стало легко и вообще полегчало, как на воле даже не бывало.

Антон говорил с нами, словно мы были знакомы всю жизнь. Хотя так бывает среди участников одной чаши. Глебка, который спал этой ночью только 5 часов, просунул голову между передними сиденьями и впитывал в себя рассказ Антона. Так всю дорогу он и просидел. А Антон делился трудным своим жизненным путем к Богу.

— А второй раз было на страстной неделе уже, перед Пасхой. В пятницу мне стало тошно так: жена развод требовала, жить не хотел. И тут опять Он мне говорит: потерпи, скоро будет легче. Я тут и вспомнил, что ведь распяли Его сегодня, а Он меня утешает, и стыдно мне стало. А в ночь на воскресенье без часов в полночь прос-

нулся от несказанной радости внутри меня: воскрес! Христос воскрес! И я воскрес.

— Я же в монастырь почему поехал? — спрашивает у себя Антон. — Тоже ведь промысел. Слышал, что отец тут один есть, очень на Илию Оптинского похож. В Оптину я все хотел поехать, да туда дорога длинная, на сутки, а тут два часа и ты в святом месте. Ходил вчера по монастырю и поймал себя на том, что ни о чем, кроме молитвы, не думаю, ни о бизнесе, ни о делах домашних. А в мирских храмах — я же все их обошел, городские-то — там батюшкам некогда, да у них уже есть свои любимцы из прихода, не пришелся я там, значит. Да и суета в городе: все время что-то отвлекает, канонов толком не вычитать. Да, я про отца начал. Уж вот так он на оптинского старца похож, и душа моя к нему тянется. Я его еще летом приметил. Но тогда довелось только со схимником пообщаться. Велел он мне семью заводить. Моя-то жена меня не дождалась, — Антон вздохнул и легонько так повел рукой в сторону, как бы отдаляя грусть в такой радостный день. — А я со знакомой одной тогда приехал. Она меня старше, вдовствует с двумя детьми. — С нею, говорю, семью? — Нет, ты ровню ищи, — мне схимник сказал. Да я и сам семью хочу. Денег-то я заработаю. На двух работах сейчас. Генеральным директором в фирме, мы сейчас создаем предприятие по производству плит. Ну и чтоб смирение иметь, банщиком в санатории «Кивач» еще.

— Как банщиком? — удивились мы.

— А вот, — заулыбался Антон, — там приходят такие воротилы, парку поддать просят да веником березовым обходить, а потом как узнают из беседы-то — по разговору все можно понять — что я тоже не лыком шит, тоже удивляются. Там ко мне все клиенты с почтением относятся. Им и самим нравится, что у них такой банщик.

Мы разговаривали всю дорогу. Уже стемнело, Антона дома ждали родители, а он терпеливо развозил нас в разные концы города.

— Да, про монастырь-то я так толком и не сказал, почему приехал, — напоследок произнес Антон, когда мы с внуком уже выгрузились возле своего старенького деревянного двухэтажного дома. — Я ведь ехал духовника себе найти, а нашел того самого человека. Вы же знаете Семена, ну, просфоры он в монастыре печет, так вот это

он, тот самый человек, которого мне Бог в КПЗ послал и который мне о Боге возвестил...

Перед сном читали молитвы с внуком, и вспомнилось почему-то, как Антон несколько раз про Василия Кинешемского книгу говорил тепло так, душевно. Нашла, открыла и с самого начала словно голос Антона услышала, читающего:

«Евангелие — слово греческое. В переводе на русский язык означает «благая весть».

Благая весть! Как это оценить?

Где-нибудь далеко-далеко в холодной, негостеприимной чужбине, быть может, в суровом вражеском плену, томится дорогой вам человек. Вы ничего о нем не знаете. Пропал — как в воду канул. Где он? Что с ним? Жив ли? Здоров? Быть может, обнищал, нуждается во всем... А кругом холодные, равнодушные чужие люди... Ничего не известно. Томится сердце, тоскует. Хоть бы одно слово: жив или нет? Никто не знает, никто не скажет. Ах, какая тоска! Господи, пошли весточку!..»

Вот она, молитвочка-то, мольба: пошли Господи весточку! И Господь откликается и не оставляет в беде... И рождается человек младенческой душою своей для добрых дел, для заботы о ближних, для любви.

СВЕТАЫЙ АНГЕЛ

рассказ

— Под шубой? Мам, не нужно салатов, — Светлана стояла у окна своей квартиры, расположенной на первом этаже, и разговаривала с мамой, которая жила в другом районе города. Мама наготовила салатов, звала ее к себе, но Светлана, как всегда, не соглашалась.

Стоял канун Нового года, а за окном чернела земля.

Четыре года... вот уже четыре года Светлана

была одна. Именно была, потому что в тот сентябрьский день, когда байк сына забрал его жизнь, она осталась совсем одна. Друзья сына, которые помогали в первое время, стали забывать. Да и что их винить: для них жизнь не стояла на месте, они женились, рожали детей, уезжали за границу. А Филипп, ее сын, так и остался двадцатилетним. Больше у нее никого не было.

Светлана перевела взгляд от черноты за окном на фотопортрет сына, висевший в центре стены: светловолосый, голубоглазый, родной до боли...

Кто-то из друзей Филиппа на похоронах назвал его светлым ангелом, потому что он был чистоплотным во всем: и в одежде, и в отношениях, и по характеру был очень светлым человеком: отзывался на любую беду. От него исходил свет.

Светлана опять перевела взгляд в окно и в который раз убедилась, что там по-прежнему черно и снег не предвидится.

«Зачем он купил этот байк? — в сотни тысяч раз подумала Светлана, — зачем этот?» — После гибели сына она узнала, что этот мотоцикл — убийца. Оказалось, что на нём уже разбился один байкер, а вдова погибшего ничего не сообщила об этом при продаже. Друзья Филиппа советовали ей разобрать байк-убийцу на запчасти, но она решила уничтожить эту машину, чтобы больше никто не пострадал из-за нее. 200 тысяч рублей — это не цена за человеческую жизнь.

Светлана тогда наняла людей, которые на ее глазах сначала спрессовали байк, а потом уложили его в грунт на одной из обочин. Светлана опять представила рыжий песок и мокрый чёрный жалкий металл на фоне серого неба, — картина была слишком схожей с той, которая была на кладбище в день похорон Филиппа. Нет, на кладбище было всё мертво, а байк умирать не хотел. Обычным прессом крепкую металлическую конструкцию кардинально изменить не удалось. От соприкосновения с другим металлом байк, наоборот, взбодрился. Пресс содрал эмаль, и байк заблестел своим голым оскалившимся остовом. Рабочие оттащили его лебёдкой к машине пневмопресса и давили до тех пор, пока байк не превратился в бугристую сверкающую лепешку.

От этого воспоминания Светлану затрясло. Она потянулась к пачке сигарет и автоматически закурила. Огонёк отразился в оконном стекле, словно курили двое.

— Сыночек, ты со мной. Ты всегда со мной, — заплакала Светлана.

Курить уже расхотелось. Она затушила сигарету. Нужно попробовать уснуть. После смерти сына, с того самого сентября, когда Филипп не дождал недели до своего дня рождения, сон был редким явлением. Мозг отказывался отключаться, бесконечно прокручивая картины, одну страшнее другой.

Они тогда собирались праздновать оба дня рождения, ее и Филиппа, потому что Светлана была тогда в плавании, — она работала коком. И Филипп не хотел отмечать свой без нее...

Светлана воспитывала своего сына одна. Брак был неудачным, и про отца Филиппа она ничего не знала и даже не вспоминала. Сын был для неё всем. Она жила для него, зарабатывала для него.

Филипп рос, на удивление, неэгоистичным. Уже в старших классах, когда его одноклассники стали ухаживать за сверстницами, он ревниво оберегал мать. Становясь мужчиной, он начал ценить то, чем она для него пожертвовала.

Пять лет идиллии пролетели быстро. Светлана разумом понимала, что скоро кончатся времена, когда её, сорокалетнюю, считают подругой Филиппа. Но ревностное материнское сердце не могло и не желало представлять кого-то рядом с сыном. Как-то так сложилось, что они стали праздновать свои дни рождения вместе, хотя разница между датами была в две недели...

В тот роковой год день рождения они так и не отметили и не отмечали с тех пор. Словно в тот год умерли оба...

Светлана долго лежала в темноте и старалась думать о хорошем.

«Мама, ты мой свет», — вспоминала она слова сына и как она сама говорила ему в ответ: «Это ты мой светлячок...» Но с тех пор свет погас. Его не было внутри. Его не было в мире.

Ей очень хотелось, чтобы Филипп приснился. Потому что она не верила, что его нет, и не хотела в это верить.

Филипп не снился долго. То есть он снился сначала, а потом перестал. Больше года никакого намека во сне. И тут в канун Рождества явился и молчит.

— Сыночек, это ты? — Светлана умоляла его: — Скажи что-нибудь.

Молчит и смотрит, так смотрит спокойно, что душу выворачивает.

– Живи, – выдохнул и опять замолчал.
 – Филипп!!! – И уже ярость в голосе и страх.
 – Что? Что??? Не понимаю... Зачем... Зачем мне жизнь без тебя?
 – Мама, а у меня ведь кроме твоей жизни нет другой возможности существовать.
 – Но как? Что же делать?
 – Мама, помнишь, я хотел брата?
 – Нет, ты никогда такого не говорил, наоборот, ты не хотел, чтобы кто-то нарушал наши отношения. Ведь мы научились понимать друг друга и чувствовать друг друга на расстоянии. И нам было хорошо вдвоём в нашей маленькой семье.
 – Это я сначала не хотел. А помнишь, я спросил тебя, как бы ты меня любила, если бы у меня был брат, больше или меньше? Я тогда подумал почему-то, что было бы здорово поделиться вот этим чувством общности нашей, радости от понимания с кем-нибудь, но только родным и близким. И впервые тогда пожалел, что у меня нет младшего брата, потому что мне тогда очень хотелось рассказать, как это важно – любить.
 – Нет, нет, я не буду больше рожать, – Светлану прошиб холодный пот, – нет, я не предаю память.
 – Ма, я есть, пока жива ты, пока ты помнишь меня, чувствуешь меня... Я давно хотел спросить тебя, – а если бы не я, а ты ушла первой, ты бы хотела моей смерти, чтобы быть со мной? Ты бы меня тогда тоже бы не отпустила

от себя? Мам, я тебя очень-очень люблю и не хочу, чтобы ты умирала. Ты же знаешь, что у меня никого больше нет, кроме тебя. И кто, кроме тебя, будет жить за меня?

– Ксения Петербургская жила за своего мужа, потому что у них не было детей.

– Мам, не сходи с ума. Лучше роди или усынови малыша, которому ты будешь рассказывать о его старшем брате, которого будешь воспитывать на моем примере. Может быть, когда-нибудь потом он захочет назвать своего сына моим именем. И на свете опять будет жить во плоти Филипп Сашурин.

Светлана так долго ждала, чтобы Филипп ей приснился, что вся измучилась и не знала уже, как это понимать. А тут сын пришел, но говорит вещи, не укладывающиеся в ее голове.

Она не помнила, как заснула.

А утром на душе ее было спокойно, впервые за долгое время.

– Сыночек, Филиппушка, ты не оставил меня, ты со мной, – улыбалась она.

В комнате было светло, и свет шел из окна.

Светлана встала с дивана и подошла к окну. Везде, где хватало взгляда, лежал снег: на земле, на машинах, на крышах, на деревьях.словно светлый ангел слетел на землю и укрыл своим заботливым крылом раны многострадальной матушки.

□

Светлана Олеговна ЗАХАРЧЕНКО

*родилась в Челябинске,
 окончила Витебский институт лёгкой промышленности
 и Петрозаводский государственный университет (ПетрГУ).*

Поэт, прозаик, ученый-филолог.

*Публиковалась в региональных и российских периодических изданиях.
 Автор ряда книг поэзии и православной прозы, а также научных работ
 об эпистолярном наследии Оптинских старцев.*

Лауреат многих литературных конкурсов.

Отмечена премиями правительства Республики Карелия.

Кандидат филологических наук.

Доцент кафедры туризма ПетрГУ.

Член Союза российских писателей.

Живет в Петрозаводске.

